

Барышников Михаил Ключик к Барышникову: записка из «Комсомолки»

1.12.93

Голос правды - 1993 - 1 ген. - с 8

В Буэнос-Айресе, в столичном отеле «Сесар Парк», Михаила Барышникова напрочь отрезали от мира: его телефон заблокировали, номер сняли на вымышленное имя, завтраки и обеды поднимали в люкс. Сам он из гостиницы выбирался в наглухо закрытом автомобиле прямо из подземного гаража. В отчаянии одна из моих коллег пыталась добиться от официантов и горничных меню Мишиных обедов, описание его люкса. Куда там: вышколенная прислуга шаркалась от нее, как от прокаженной.

Записка на русском языке совершила чудо — пробила «железный занавес». Меня подпустили к телефону. На прекрасном русском с легким американским акцентом Михаил пообещал ответить на все вопросы «Комсомолки», но при одном условии — публично, в присутствии всех, в ходе пресс-конференции.

Вечером, в густо набитом зале, пресс-конференция, как и пообещал Михаил, началась его диалогом с вашим корреспондентом.

— Михаил, простите, я не знаю вашего отчества...

— Николаевич, но можете называть меня по имени.

— Когда вы в 1974 году разорвали с Москвой, а бывшем Советском Союзе остались немало выдумок на ваш счет. Поговаривали, что вы бежали на Запад, чтобы заработать. Но мало кто знает у нас в России, что вы после четырех лет работы в «Американском Балетном Театре» ушли в «Нью-Йорк Сити Балет», на куда меньшую зарплату. Сделали это ради совместной работы с великопечными хореографами Баланчиным и Робинсоном. Позже бесplatно танцевали несколько сезонов в одной из лучших американских танцевальных трупп под руководством Марты Грехэм. И не взяли за это ни цента. Волнуют ли эти домыслы вас?

— Я не собираюсь их развеивать. Скажу лишь об одном: я никогда и никому из бывших советских газет и журналов не давал интервью. Почему? Не хочу вмешиваться в вашу жизнь. Мне же часто присылают из Москвы заметки с моими интервью. Делается все это неуклюже. Компилируется из моих выступлений в американской и английской печати. Все это безбоянно переворачивается, приправляется разными выдумками.

— Но ведь даже генерал Пиночет, и тот не удержался — дал эксклюзивное интервью «Комсомолке». Вы же, Миша, наш, русский. Ваши балетные тапочки хранят как бесценную реликвию в Вагановском училище. Вас любят в России. Когда-нибудь вы же вернетесь домой?

— Когда-нибудь, наверное...

— А кто у вас остался в России?

— Сводные брат и сестра. С ними я не встречался, но контакт поддерживаю.

— Не собираетесь ли пригласить их к себе в гости?

— Я бы не хотел дальше говорить на эту тему.

— А кто ваши родители?

— Папа был военным. Мама — волжанка. Ее первый муж погиб в войну. Она с сыном переехала в Ригу в 1948 году. Там познакомилась с отцом. Вышла за него замуж. Отец ушел на пенсию и остался в Риге.

— В вашей семье кто-нибудь танцевал, увлекался искусством?

— Никто: ни дед, ни прадеды. Ни по линии матери, они все с Поволжья. Ни по линии отца, а он у меня из Борисоглебска.

— Многие известные танцовщики ставят вас на первое место в их списке лучших. Ну а кто же из танцоров у вас в героях?

— Вся эта нумерация в балете, все эти разборки, кто первый, а кто второй, мне очень не по душе. Герой же мой — великолепный французский танцовщик Жан Бабиле. Редко кто, как он, умеет двигаться по сцене, понимать смысл движения, очарование танца. Бабиле просто потрясавший интерпретатор танца.

— Кто оказал на вас влияние, кому вы благодарны сегодня за то, что стоите на балетном Олимпе?

— Низкий поклон моему учителю Александру Пушкину. Кировскому театру времен блестящего Константина Сергеева, великолепных танцовщиков, таких, как Колпакова. Рос я и под влиянием Владимира Васильева. Ему благодарен за его опыт, за его танец. С ним мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения.

— А с кем еще вы дружите из российских танцовщиков?

— Ну уж это мои частные дела.

— Миша, неужели вам иногда не хочется пройтись по старым улочкам Риги, заглянуть в местный театр оперы и балета, где вы приобрели и прекрасной музыки, балету? Подняться на сцену Мариинского театра? Почему вы так упорно воздерживаетесь от приезда в Россию?

— Когда получится, приеду. Пока таких планов нет. К слову, Рижский театр оперы и балета сейчас на ремонте.

— Советская власть, насколько я знаю, обидела вас меньше всех. Те же, кого она унижала — Солженицын, Вишневская, Ростропович, — давно примирились с прошлым, вернулись в Россию. От кого вы бежите, Миша?

— Ростропович с Вишневской всегда жили с любовью к

Всякий раз,
когда
журналисты
задевают струны
Мишиной души,
он резко
захлопывает
створки

России в сердце. Не могли без нее.

— А вы?

— Давайте о другом.

— Хорошо. Ваше отношение к тому, что аргентинский танцовщик Хулио Бока разделся для «Плейбоя»?

— Мне это неинтересно: ни знать, ни смотреть.

— А взаимоотношения между эротикой и балетом вас тоже не волнуют?

— Балет всегда был чувственным искусством. Все зависит от интерпретации танцовщика. В классическом балете всегда присутствовала эротика. Любая интерпретация движения, походка, даже поворот головы могут придать эротический смысл, оттенок танцу. Многие серьезные хореографы в России работали над этой темой. Возьмите Якобсона. Вся его родеоновская серия постановок интересна именно этим.

— Судя по вашим прошлым интервью, вы отказываетесь плакать по поводу нелегкой судьбы русского балета. Выживает ли он сегодня в условиях российского распада?

— Ну, конечно, выживет. У русского балета есть своя школа. Она консервативна в хорошем понимании этого слова.

— От душных и тесных объятий этого самого классического советского балета вы и освободились в 1974-м, когда ушли на Запад?

— В Ленинграде тогда нечего было делать. Классика, к сожалению, исчерпала себя, и советский балет стал какой-то пародией. Все было обрублено. Все эти перетасовки классики, этот соцреализм в балете — все это при всем моем уважении к вагановским начинаниям и школе — привели к какому-то маньеризму советского балета. Он превратился в свою карикатуру. Сегодня надо избавляться от этого.

вас. Она нашла удивительные слезы, чтобы рассказать о любви, вспыхнувшей между вами в 1975 году.

— Я не читал эту книгу. Нет желания. Да и нужно ли читать ее?

— В 1989 году вы ушли с должности директора ведущего балетного коллектива в США «Американский Балетный Театр». А в 1991 году уже создали свой небольшой коллектив современного танца. Откуда у вашей труппы такое странное название «Танцевальный проект белого дуба»?

— Мой старый друг и известный в США филантроп Говард Гилмар — хозяин самой крупной в США частной компании по производству бумаги — построил в своем заповеднике на севере Флориды для нас отдельную студию. Туда мы приезжаем, чтобы вдали от шумного и душного Нью-Йорка работать над нашими новыми постановками. Место называется «Плантация белого дуба» — отсюда и название нашего коллектива.

— И последний вопрос: ваши дочь и сын пойдут по стопам знаменитого отца?

— Они выберут себе дело по душе сами. Подталкивать их к этому не собираюсь. Я всегда с подозрением относился к династиям: рабочим ли, или из мира искусства...

...К ответу Михаила Барышникова добавлю разве что: его взрывчатая метеорическая карьера сопровождалась не менее бурными сентиментальными связями. Из самых известных — с Джессикой Ланг. Помните, очаровательная блондинка в волосатой лапе Книг-Конга? Так это она. От этого романа родился сын. Балерина Лиза Рейнхард подарила Михаилу дочь. Остальные, судя по всему, оставят на этом свете свои воспоминания.

Миша улыбнулся — дальше нельзя было злоупотреблять терпением моих коллег. Вспыхнувшая улыбка прославленного танцовщика погасила окончательно ростки недовольства нашим диалогом.

А вечером чопорная публика в местном театре, выложившая из кармана по 160 долларов за билет, задыхалась от оваций и ревела: «Миша! Миша!». Миша мог бы просто ходить по сцене — ему бы хлопали. Он же танцевал. Когда-то Кировский открыл миру Барышникова. На сцене в этот вечер был другой Барышников — открывший для себя с помощью современного танца новый мир.

Сергей ЗАВОРОТНЫЙ.
(Наш соб. корр.).
Буэнос-Айрес.